

Литературная газета

Четверг, 10 декабря 1936 г.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 69 (632)

Конституция победившего социализма

Великая хартия вольностей социалистического народа — сталинская Конституция вошла в жизнь. По всей необъятной советской земле ликуют, радуются и торжествуют освобожденные народы.

И первая мысль каждого гражданина родины, трудящихся мира — благодарность тому, кто прозрачно, с железной твердостью вел страну от победы к победе, кто простыми, мудрыми словами записал эти победы в Конституцию социалистических народов.

На демонстрациях, митингах, на отчетных собраниях, проводимых делегатами Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда советов, имя Сталина, творца Конституции, вызывает бурю восторгов, радостных чувств. Военное торжество, вызванное принятием Конституции, потому так мучит и триумфально, что победы, записанные в Конституции, добыты народом в жестокой борьбе и являются его кровным достоянием.

Велико и безмерно ликование всего Советского Союза потому, что именно на долю народов нашей социалистической родины выпало счастье рассматривать, обсуждать этот величайший документ всех эпох и народов — сталинскую Конституцию.

Велико и безмерно ликование народов Советского Союза потому, что они живут в стране, где воплощены в жизнь мечты лучших умов человечества о таком обществе, где нет богатых и бедных, где нет угнетателей и угнетенных, где впервые человек выпрыгнул во весь свой гигантский человеческий рост и где предоставлены все условия для развития его умственных и физических способностей.

Только в советской стране гражданину обеспечены неотъемлемые человеческие права: право на труд, право на отдых, право на образование, право на обеспечение в старости. Только в Советском Союзе осуществлен полнейший демократизм. Свобода слова, свобода печати, свобода собраний, демонстраций, неприкосновенность личности и жилища — это реальность, это то, что завоевано и добыто трудящимися в кровавой борьбе с эксплуататорами: помещиками, капиталистами, кулаками. Это завоевано, это записано в Конституции и трудящиеся массы народов Советского Союза своих завоеваний никогда и никому не отдадут. Каждый из граждан социалистической страны может с гордостью повторить слова лучшего талантливейшего поэта нашей советской эпохи — В. Маяковского:

«Читайте, читайте я праздники Советского Союза! Радость, счастье и гордость — эти чувства переполнены сердца трудящихся социалистической родины. Трудящиеся мира, переходя интеллигентности и выделкой, радостью следят за нашей жизнью и борьбой. И чем блистательней наши победы, чем радостней наша жизнь, тем уверенней их борьба с кровавым и варварским фашизмом.

Правители фашистских стран несут разрушение, смерть, ужасы трудящимся и интеллигенции. Фашистские

самолеты бомбардируют Мадрид, убивая женщин и детей, разрушая гектары ценнейшей культуры. Германские и итальянские фашисты намереваются затопить в крови героический народ Испании, опутать проволочными заграждениями концентрационных лагерей и сетями астенков гестапо весь мир. Трудящиеся капиталистических стран, лучшие люди интеллигенции ведут не на жизнь, а на смерть борьбу с фашизмом. В социалистическом мире они ищут опоры и возлагают на него надежды. Сталинская Конституция победившего социализма для трудящихся капиталистических стран и передовой интеллигенции — священное и непоколебимое знамя борьбы.

На днях в Советский Союз приехал лучший антифашистский писатель Лион Фейхтвангер, знаменитый фашистами со своей родины. Он следующим образом выражает свои мысли и чувства, вызванные утверждением проекта сталинской Конституции:

«Я в свое время пытался выразить то глубокое впечатление, которое произвел проект советской Конституции на всех людей Запада, хотя бы в некоторой степени обнаруживающих понимание великого строительства Страны Советов. Я рад, что теперь могу собственными глазами убедиться, насколько Конституция уже осуществлена в момент ее утверждения. Как писатель, как реалистический гуманист, я прежде всего интересуюсь теми статьями, которые признают за каждым советским гражданином право на образование. Я ежедневно и ежесекундно испытываю глубокое удовлетворение от сознания, что эти статьи Конституции не пустая фантасма, а осязаемая действительность.

Испанские писатели Рафаэль Альберти и Мария Тереза Леон прислали в день принятия сталинской Конституции приветствие советской молодежи, в котором они писали следующие:

«Мы, антифашистские испанские писатели, разделяющие вместе с народом Мадрида его мучительные страдания, кланьем позором фашистских извергов и убиин... В тяжелой час испытаний мы плем самые лучшие пожелания нашим чудесным друзьям на севере и поздравляем их с величайшим праздником — принятием Советской Конституции, великой хартии свободы и прав человека».

Передовые писатели, художники и ученые капиталистических стран, по-прежнему советский народ с принятием Конституции, почитают вместе с нашим народом чувство гордости и радости! На одной шестой земного шара осуществлен социализм. Писатели капиталистического мира с завистью и восхищением следят за нашей жизнью и ростом культур Советского Союза, за художественной литературой Страны Советов.

Они учатся иллейной силе, боевому духу у нашей литературы. В теоретических и градущей решительной схватке с фашизмом революционная литература должна сыграть большую роль. Писатели советской страны, имеющие счастье жить и работать в эпоху сталинской Конституции, еще больше укрепят иллейную силу художественной литературы, поднимут ее боевой дух, поднимут мастерство до уровня эпохи сталинской Конституции.

ПОПРАВКА

В докладе Председателя Редакционной Комиссии Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза ССР товарища Сталина И. В. по ошибке корректуры пропущено слово. О пятой поправке, касающейся статьи 48-ой, напечатано:

«По старой формулировке предусматривалось четыре заместителя председателя Верховного Совета, по новой формулировке предусматривается 11 заместителей — по числу союзных республик».

Следует читать:

«По старой формулировке предусматривалось четыре заместителя председателя Верховного Совета, по новой формулировке предусматривается 11 заместителей — по числу союзных республик».

Создан московский областной и городской Пушкинский комитет

1 декабря Президиум Моссовета обсудил вопрос о проведении столетней годовщины со дня смерти великого русского поэта А. С. Пушкина.

Объединенным постановлением Моссовета и Моссовета принято решение создать для подготовки и проведения пушкинского юбилея областной и городской комитет.

В состав комитета вошли тт. Н. А. Филатов, Н. А. Булганин, Е. С. Козан, Н. В. Марголин, С. З. Корнильин, С. Д. Ильянский, Я. Л. Шагал, Е. Я. Зяновьев, М. Г. Виленский, С. Я. Андреев, Н. В. Дубровина, В. Г. Бицарев, Е. Ф. Розмирович, В. П. Став-

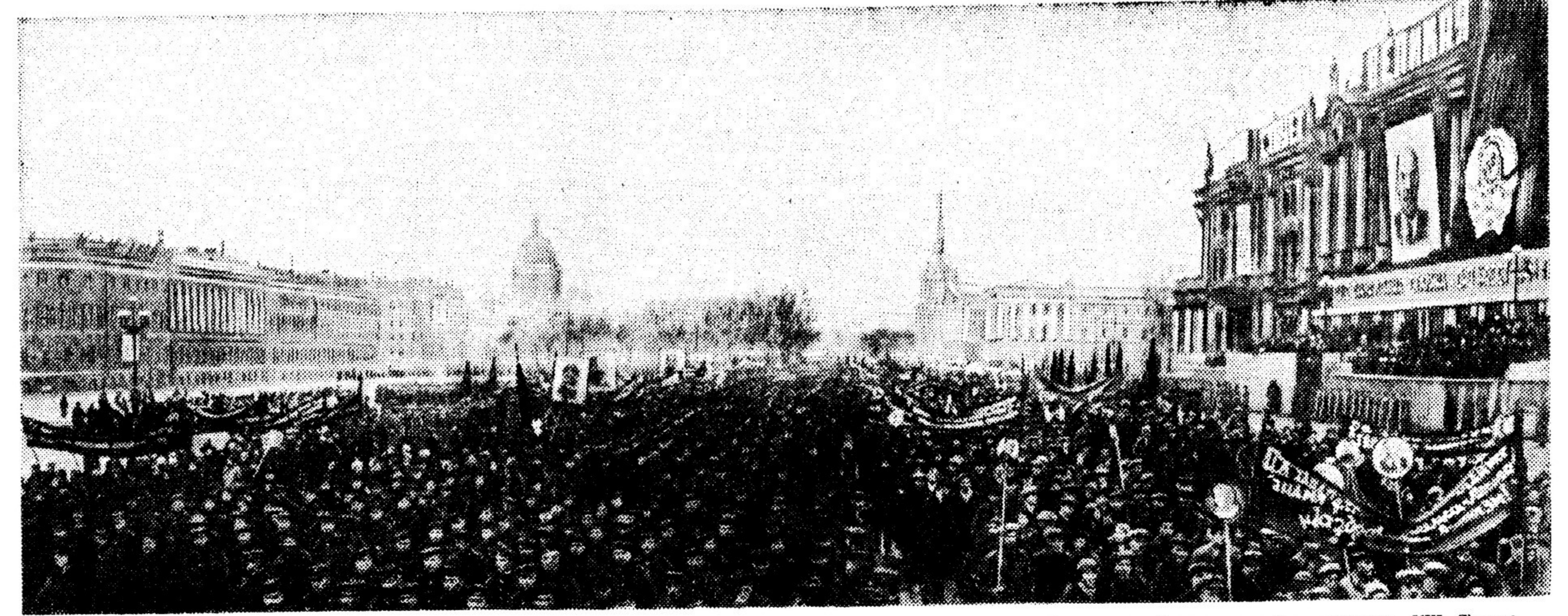
Миллион слушателей

Лекционное бюро МОСПС проводит большую работу по популяризации пушкинских произведений и сведений о жизни и творчестве великого поэта.

Специальные пушкинские школы, объединяющие 52 лекции, состоятся в Политехническом музее. Эти лекции рассчитаны примерно на 60.000 человек. В районах создается 10 лекториев, которые проведут 60 лекций для 30.000 человек.

Для детей организован цикл пушкинских лекций в Детском доме культуры Бауманского района.

Кроме того общесоюзный лекторий МОСПС с ноября по апрель будущего года должен провести не ме-

6 декабря во всех городах Советского Союза состоялись грандиозные демонстрации трудящихся в честь утверждения Сталинской Конституции Чрезвычайным VIII Съездом Советов Союза ССР. На снимке: колонны демонстрантов на площади Урицкого в Ленинграде.

Тебе, наш учитель

Янка Купала

... И пусть никогда тебя грусть не тревожит. —
Восходит ли солнце, иль ночь настает.
(Из письма белорусского народа великому Сталину).

Тебе, наш учитель, мой все желанья
И песни, и думы, и сердца порывы!
Кому это снилось, кто знает мог заране,
Что стану я вольным, что стану счастливым?

Кто мог бы поверить, что нынче я буду,
Как птица, как ветер над нивой богатой,
И жить, и дивиться великому чуду,
Которое ходит сегодня по хатам,
Что ты, наш учитель, как ясное солнышко,
Глаза мне открыл на землю, на небо...
Свети же, мое солнышко, сияй мне в окошке,
Тебя я встречаю и солью и хлебом.

Выходят стальные плуги
Пахать молодые поля.
И пана нагды, ни слуги, —
Свободной стала земля.

И в землю ложится зерно
Под радостным светом зари.
И, колот забывая давно,
Уходят в дуга косари.

Мелькают в колосьях серпы,
И — есть помыслить чему —
Увесисто, грузно снопы
Ложатся один к одному.

А песни звенят и звенят
И вторят серпу и косе.
Сверкает вола у яркини,
Купается солнце в росе.

Цвети ж, наливайся, мой край, —
Уходит ли день иль встает.
О радости песни запевай,
Родной белорусский народ!

Тебе, наш учитель, мой все желанья
И песни, и думы, и сердца порывы!
Кому это снилось, кто знает мог заране,
Что стану я вольным, что стану счастливым?

Было прошло, пронеслось, миновало,
А было одно — тымота и тревога.
И черная свора народ истязала,
И ярма бронула по нашим дорогам.

Туман застилал нам и души и очи,
И люди сгибали усталые плечи.
Казалось, не будет конца этой ночи,
Казалось, что нету путей человечьях.

Пришел ты, учитель и друг,
Расстала темень и мгла.
И радостно стало вокруг,
И слава о счастье пошла.

И родина встала моя,
Своими делами горла.
Небода, как алая яма,
Убита теперь навсегда.

И сломан неволи замок,
И выброшен тягостный груз.
Нарядный весенний венчик
Одела моя Беларусь.

Она нарядилась в шельма,
В атлас нарядилась она.
Дорога ее широка,
И жизнь, словно шапка, полна.

Цвети ж, наливайся, мой край, —
Уходит ли день иль встает.
О радости песни запевай,
Родной белорусский народ!

★

Тебе, наш учитель, мой все желанья
И песни, и думы, и сердца порывы!
Кому это снилось, кто знает мог заране,
Что стану я вольным, что стану счастливым?

Что славное время такое настает,
И смеется весна беспечные зими;
Что смело поднимется, к солнцу воспримет
Родная Республика — край мой любимый.

Я вижу повсюду — на фабриках, в селах,
Как радость идет по дороге радостной.
И слышу раскаты и песни веселых,
И сердце мое подпекает неволью.

Под молотом искрится сталь,
Все лвери распашутся в янтарь.
Бесстрашные соколы — вальс,
Бесстрашные соколы — танец.

Плывут по морям корабли,
Плывут между рифов и скал.
И реки иначе леги,
И лог за каналом канал.

Заводов стоишь веками была —
Заводов стоишь горюха.
Наковья, как стальная стрела,
Чуткова пронизала леса.

Огни золотые горят, —
На ветер не страшны, ни мгла.
То светят, не аная преряд,
Твой, наш учитель, дела.

Цвети ж, наливайся, мой край, —
Уходит ли день иль встает.
О Сталине песни запевай,
Родной белорусский народ.

★

Тебе, наш учитель, мой все желанья
И песни, и думы, и сердца порывы!
Кому это снилось, кто знает мог заране,
Что стану я вольным, что стану счастливым?

Твоей Конституции мудрое слово
Услышано всюду и всеми на свете.
Оно с обездоленных снимет оковы,
Сотрет казематы на целой планете.

На все времена и для всех поколений
Закон твой аведай путеводит будет,
Звездою желаний, звездою стремлений,
Звездою, дающей уверенность людям.

Облава ятско лежат над городом,
Временами кажется, что они сплывали
над дреклыми знаменем, над алым по-
лотнинами, протянувшимися поперек
улицы. Колонна остановилась на перекрестке
Тверской. Шестаяст мюкые
газеты. Ножной человек в очках
непросто читает вслух:

«Президиум объявляет состояние
войны в случае нападения на СССР
или в случае необходимости выполнения
международных договоров
обязательства по взаимной обороне от
агрессии».

Слова об взаимной обороне от агресси
он произносит громче, как бы подчеркивая
значение этих слов,
затем обводит глазами окружающих и спрашивает,
— скорее себя, чем других, — ясно?
И сам отвечает:
— Ясно.

Отец и дочь обсуждают основную
закон страны, декларацию прав советского
гражданина.

«Что такое право? — спрашивали
у студентов почтенные доценты, и
студент отвечал, что есть право по
Гуго Троуццо, по Савиньи и Пухте
и Петражицкому, потому, что на этот
вопрос общая теория права давала
много противоречивых ответов. Зна-
менитые философы проповедовали

Настает счастливейший век,
И все будет радостно жить.
Не будет тогда человек
Другого терять и души.

Не станет на свете границ, —
Их люди успеют стереть.
И пушки на мрачных бойни
Не будут выбрасывать смерть.

В далекой иль близкой стране
Не сможет кровавая рать
Народ убивать на войне,
Костями поля засеивать.

Цвети ж, наливайся, мой край, —
Уходит ли день, иль встает.
О Сталине песни запевай,
Родной белорусский народ.

★

Тебе, наш учитель, мой все желанья
И песни, и думы, и сердца порывы!
Кому это снилось, кто знает мог заране,
Что стану я вольным, что стану счастливым?

Ты делаешь явью мечты миллионов,
Лелей ты работаи от бед и страданий,
Чудесным поводом засеял агонии,
И жизнь превратилась в легенду, в сказанье.

На небе звезда разгорается краше,
В полях колосится пшеница и жито...
Тебе, наш учитель, все помыслы наши,
Тебе наше жаркое сердце открыто.

И близкий и дальний мест
Соезжаются люди страны
На свой чрезвычайный съезд,
На праздник великой весны.

Они навсегда укрепят
Счастливых народов семья,
Они навсегда утвердят
И долю и правду свою.

Под радостный шеплет знамен
Войдут они в залы Кремля.
И руку за мудрый закон
Поднимет вся наша земля.

И слава о нем обойдет
Весь мир без дорог и путей,
И новую силу волеет
В сердца угнетенных людей.

Цвети ж, наливайся, мой край, —
Уходит ли день, иль встает.
О Сталине песни запевай,
Счастливейший советский народ.

Перевел с белорусского
М. ИСАКОВСКИЙ.

Вождю народов

Якуб Колас

Мы из тьмы жестокой
Вышли на свободу,
На широкий шлях.
Сокол яснокий,
Гений всех народов,
Сталин — ты наш сть!
Шли года — столетия
В горе да в напасти,
Счастья мир не знал.
Ты нашел, приметил
Путь-дорогу к счастью.
Счастье в руки дал.
И лобусь новую
С радостью поэта
Я гляжу вперед.
Окружен любовью,
Ласкою согретым,
Ты ведешь народ.

Пред тобою тают,
Ледяные горы
И молчат прибой.
Песня молодая
Над землей и морем
Ходит за тобой.
Пусть на нас фашисты
Точат алые зубы,
Ползущая вой, —
Мы не усталими:
Ты ведь с нами, любий,
Мудрый рудевой.

Перевел с белорусского

М. ИСАКОВСКИЙ.

1936 г.

Речь тов. Г. ЛЕОНИДЗЕ

НА ЧРЕЗВЫЧАЙНОМ VIII ВСЕСОЮЗНОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ

Чрезвычайному VIII Съезду Советов, великому вождю человечества Сталину от грузинского народа пламенный привет! (Бурные аплодисменты). (Читает стихи на грузинском и русском языках).

1. Возрепят голоса раскаты,
Возвещать наш порыв степи.
Весь наш разум, все наше сердце,
Все сливается в крик «Ваша».

2. Картина и кахетинца,
То аджарца, мегрела — крик,
В дружбе сталинской всех народов
Он из сердца глубин возник.

3. О тебе поют водопады,
Ударяя в седой гранит.
Озаряя страну родную,
Имя сталинское горит.

4. Колыбель там твоя началась,
Твой букварь лежал в доме том,
Там ты выкован крепче стали,
Чтобы Сталином стать потом.

5. Как торжественно зацветает
Новь, которую сел ты!
Конституция! Сколько в этом
Вековой народной мечты!

6. Стало быть, не напрасно погмыли
Продлившие кровь за это.
Ты открыл врата волюте,
И нахлынули волны света.

7. Конституция Сталина — в ней
Торжествующие силы века...
Не любил никто и не любит
Так, как любовь ты человека...

8. Но где Ленин? Он с нами здесь,
Нашим горлится торжеством,
Он горит в сердцевине земли,
Греть землю своим теплом.

9. Продолжателем дела его
Ныне Сталин — надеждой нам,
Он везде, где воля и труд,
И где правда, он всюду там.

10. Слова русским отважным братьям,
Тем, кто первые в голы млы
Проубили окно в темнице,
Зарывав свои кандалы,
Честь армянам и украинцам!
Честь казахам и честь татарам.

11. Слова каждому, кто был сорбосан
В мире каторжном, в мире старом.
Все вставаше брат на брата,
Друга браваше на приезд,
Твоим именем поблажалась
Во имя великих дел.

12. Мы тебе кланяемся, Сталин, —
Конституции теорич, —
Как вершитель победы
И любвиому отцу!

13. (Бурные аплодисменты).

Испанским женщинам и детям

Секретариат ССР СССР совместно с советом жен писателей устраивает ряд литературных вечеров на московских предприятиях.

Сбор поступит в пользу испанских женщин и детей.

Первый вечер состоится сегодня, 10 декабря, на заводе «Каучук».

Вступительное слово — В. Герасимовой. Выступают: А. Караваева, П. Романов, Г. Санников, С. Васильев и др.

Следующий вечер состоится 25 декабря на Электрозаводе.

НЕРУКОТВОРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Приближаются пушкинские дни. Увлекательное доводится к нам голос великого национального поэта нашей страны, ближе его благородный и трагический образ. Среди каннибальского визга фашистов, на фоне пусио-стихи, либеральной государственной умов капиталистических стран еще трогательнее и благороднее звучат драгоценные строфы великого поэта человека. Вот почему среди операционных статей в наших газет, телеграмм, информационных заметок все чаще и чаще появляются статьи, посвященные великому поэту. В заповедных клубах, библиотеках, литературных кружках читают пушкинские стихи, и можно сказать, никогда в таком почете не были пушкинские, как в наши дни. Астрономических цифр дошли до тысячи пушкинских изданий, вместе с тем растет интерес к литературным произведениям, в которых отражен Пушкин и его эпоха. Пушкинские дни будут действительно культурным праздником всей нашей необширной страны, всех населяющих ее племена и народы.

Слух обо мне пролетит по всей Руси великой.

И назовет меня всяк сущий в ней язык...

И во-вторых и когда будет в эти дни вспоминать, что произошло в стране и в Москве 36 лет назад — 6 июня старого стиля 1850 года, в день открытия памятника на Странной, ныне Пушкинской, площади.

В ту пору общественная жизнь в Москве принимала довольно своеобразные формы. По существу не было никакой общественной жизни в нашем понимании вещей. С одной стороны, всякое проявление общественности, всякое проявление общественной солидарности подвергалось жестоким репрессиям со стороны полицейской власти. С другой стороны, само общество, вернее, общественность, тупой провинциализм глушила всякие попытки превратить всякое литературное событие, увлекательное памяти великого человека в крупное общественное событие, прилагая ему общественный характер. С этой точки зрения интересно проследить отношение официальных лиц и учреждений к памяти Пушкина, интереса и та бытовая суеверия, которая проследилась вокруг чествования памяти великого соотечественника.

Существует воспоминания светской дамы, жены командующего войсками Московского военного округа, генералши В. Дуровой. Дамы эта была не чужда литературным опытам, она оставила довольно интересные в бытовом и историческом смысле воспоминания. Никаких других следов ее литературных работ обнаружить не удалось, тем не менее эта дама числилась литератором. Для нашего современника и особенно в эти дни представлял известный интерес ее воспоминания об открытии памятника Пушкину 36 лет назад:

«6 июня было открытие в Москве памятника Пушкину, в конце Тверского бульвара, близ Страстного монастыря. Бутовские пригласили меня посмотреть на это торжество из окон их городского квартала. День пасмурный, с утра накрапывает дождь. Захватив маму, поехала с ней в Думу. Маму, конечно, не пускали, так что поехала одна. Пошла к крытому бесов завесой памятнику, с громадными венками. Множество людей в русских национальных костюмах несли тазы венки и букеты; разные корпорации держали длинные палки с при-

крепленными на них лентами, с надписью всех сочинений Пушкина. Масса духовенства, военные в парадных мундирах, несколько хороших музыкантов, все это очень торжественно...»

Почерком генеральше, все было очень торжественно, парадные мундиры, среди которых были и голубые мундиры, не столь милых сердцу Пушкина жандармских чинов — преданных знаменитого «стрелбего» отряда. Виселем духовенство явилось, по словам дамы, тогда, чтобы почтить Пушкина — автора «Гавриила», Великосветская свидетельница этого события упоминает и о народе, «проповедям сдерживающий его канат». Народом в ее глазах были несколько тысяч школьников и студентов и обыкновенных уличных зевак. Возможно, среди этого народа было несколько или много представителей будущих перемартовцев — Желябых и Софьи Переровой. Они пришли почтить автора «Вольности» и «Княжата». Но продолжим воспоминания литературно-генеральши:

«...Окончания перемены открыт памятника, в университетском холле акт в присутствии Тургеневых. Городской голова Третьяков пригласил меня на обед, давшийся в городом детям Пушкина, говорит он, что я в качестве писательницы непременно должна на нем присутствовать. Но я, конечно, не поехала. Муж остался очень доволен этим обедом. Аксаков, Аверкиев и разные другие знаменитости провозглашали много интересных тостов... На другой день поехали мы на заседание Пушкинского комитета в зале дворцового собрания; лавка была там страшная, в красном мы так и не протиснулись, а сидели на кожаных скамьях. На входе профессор университета говорил речь, им горячо аплодировали. Когда на сцену вошел Тургенев, восторгам публики не было конца. Прочитал он очень интересный разбор сочинения Пушкина. Тургенев смотрит таким магистратом, с длинной белой бородой. Профессор славянских языков в Парижском университете м-р Лежер сказал длинную речь, не соответствующую его фамилии... очень выигрывает и тяжело. В другом зале были выставлены фамильные портреты и разные принадлежавшие Пушкину вещи...»

«Президиум русской культуры», как выразились либералы, как видно, проходил в довольно таком кругу знаменитостей типа Аверкиева и профессора славянских языков. Даже присутствие и выступление Тургенева не дало ему настоящего отклика в широких кругах населения. Образ глупенькой генеральши, противной светских барынь пушкинского времени, замечательно обрисовывается в этих записках. Но дело сейчас не в ней.

В 1899 году, то-есть девятнадцать лет спустя, чествовалась столетие со дня рождения Пушкина. Но этому поводу московской городской думой «отпущено в распоряжение городской урны 10000 рублей на расходы по чествованию столетия со дня рождения А. С. Пушкина». (Стенографические отчеты о собраниях московской городской думы за 1899 год. Собрание 13 мая).

Чтобы понять, какую огромную сумму ассигновала московская дума, следует сравнить эту сумму с расходами «по украшению и благоустройству в своем городе» ставит «Сказку о царевне Садане».

На заводе им. Димитрова в Ростове-на-Дону активно готовятся к пушкинскому дню. В клубе открылась выставка, на квартирах станковцев организуются вечера, посвященные великому поэту.

Свердловский горно-металлургический техникум проводит лекции «о творчестве великого поэта. Стенная газета «Вентилатор» в каждом номере дает специальный отдел, посвященный подготовке к юбилею.

Лекции о лирике и прозе Пушкина устраивает Ивановский педагогический институт.

Сам Пушкин в одном из своих рассказов, что пребывание в Одессе завершило его атеистическое мировоззрение. В переизданном жандармским письме Пушкина в марте 1824 года под псевдом: «Наташ Шекспира и Библю», святой дух ивола мне по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира. Ты хочешь знать, что я делаю: пишу нестранные строки романтической поэмы... и беру уроки химического поэма. Здесь англичанин, глухой философ, единственный умный англичанин, которого я еще встретил. Он написал листов тысячу, чтобы доказать невозможность бытия разумного существа, творца и создателя, а именно: атомолонгичинство слабые доказательства бессмертия души. Система не столь утешительная, как обыкновенно думают, но, к несчастью, более

в своем доверии о влиянии Пушкина на него «Гавриил» на молодое поколение: «Воспитанные по большей части в идеях мятежных и сформированные в принципах, противных религии, они представляют собой расхождение, который никогда может стать гибельным для отечества и для законной власти... Выиграли ли оттого, что сослал Пушкина в Крым? Такие молодые люди, оказавшиеся в одиночестве, в пустыне, отлученные, так сказать, от всякого мыслительного общества, лишены всех надежд на заре жизни, иллагают жалче, вызываемую нелюбовством, в своих сочинениях, навязывают государство массовую бедность стихотворений, которые разнятся памятью восставания во все сознание и нападают с опасным и вероломным оружием наmeshки на святое религии — этой глупе, необходимой для всех народов, а особенно для русских (см. «Гавриилу», см. Пушкина)... Присоединяю здесь стихи, которые ходят даже в провинции и которые служат доказательством того, что есть еще много людей злодейственных!»

Пачисте, русские народы, Для вас невнятен славы клич. Не нужны вам дары свободы, — Вас надо резать — или стричь!»

Сам Пушкин в одном из своих рассказов, что пребывание в Одессе завершило его атеистическое мировоззрение. В переизданном жандармским письме Пушкина в марте 1824 года под псевдом: «Наташ Шекспира и Библю», святой дух ивола мне по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира. Ты хочешь знать, что я делаю: пишу нестранные строки романтической поэмы... и беру уроки химического поэма. Здесь англичанин, глухой философ, единственный умный англичанин, которого я еще встретил. Он написал листов тысячу, чтобы доказать невозможность бытия разумного существа, творца и создателя, а именно: атомолонгичинство слабые доказательства бессмертия души. Система не столь утешительная, как обыкновенно думают, но, к несчастью, более

Бородинского поля по случаю юбилейных торжеств Отечественной войны». На украшение Бородинского поля было ассигновано 100.000 рублей, причем 10.000 было ассигновано только на прокат автомобилей. (Газета «Утро России» 6 июля 1912 г.).

Таким образом сумма, ассигнованная только на прокат автомобилей по случаю бородинских торжеств, была равна сумме, ассигнованной московской городской думой на расходы по чествованию столетия со дня рождения Пушкина.

Московское известное искусство проявило некоторый интерес к столетию со дня рождения Пушкина, но уважение к памяти Пушкина как-то странно сочеталось с интересами торгово-финансовой и соответствующей рекламной этой фирмы.

15 июня 1899 года председатель московской городской думы князь Голицын довел до сведения гласных: «Имею честь довести до сведения городской думы, что 26 минувшего мая по распоряжению товарищества Абрикосова С-я родины были всем учащимся в городских училищах переданы копии с портретами Пушкина...» (Стенографические отчеты о собраниях московской городской думы за 1899 год).

Теперь немой о том, как выглядел памятник великому русскому поэту.

«Памятник великому русскому поэту А. С. Пушкину.

Место свидания. И деловых и легкомысленных...»

Не только на площадке вокруг памятника на скамейках, а даже и у самого подножья ведае кучками сидят дубки.

Всепешно шелухат подсолнухи. Скордуга от них плотным слоем засыпает подложие.

Сорно, празно. Окурки, ошкеры, ошкеры, ошкеры.

Сам памятник совершенно забылся. Годовая пыль засажена птицами.

Оти строки взяты из газеты «Московский листок» от 6 июня 1912 года. В Духовная в своих воспоминаниях рассказывает о парадном обеде, который устроила городская дума в честь поэта. В газете «Голос Москвы» от 19 декабря 1912 года мы находим заметку о бедственном положении прямых потомков Пушкина: «Сам Пушкин вот уже который год впадает в самое жалкое существование, читать ли не умирает с голоду, родная племянница Пушкина.

По этой иронии судьбы, г-жа Нейярх, урожденная Пушкина, бедствует в отратительных «мелкобуржуазных», в Кошкинском переулке... т. е. всего в нескольких шагах от того места, где на гербовый весь России поставлен ее бронзовый памятник.

После того как в печати того времени появились эти сведения, вало было думать, что общество, культурные или благотворительные учреждения придут на помощь родной племяннице Пушкина. Тем более потому, что «Русское слово», самая распространенная газета, уже давно «собирает» об этом явлении. И однако же газета «Русское слово» 17 февраля 1913 года снова описывает ищущую обстановку, в которой попрежнему живет племянница Пушкина

Так отзывались те времена общества на филантропические призывы печати.

Так почтятся в те времена память великих людей страны.

Л. НИК.

По Леониду Гроссману

Элегантный, очаровательный зловещий шпир струился, как величественные восточные Расия. Дамские декоративные роскошество слезили цветом карьерского мрамора. Мысль Пушкина, нахлынувшая в состоянии dolce far niente, воспринимавшая в это мгновение мир sub specie aeternitatis, молниеносно настроилась на анакронистический лад. В Пушкине зазвучала эпоха арфа лирических прелюдий, «фривольно элегантно стали выстраиваться в ряд, складываясь в шарнирную ослепительную мозаику, в дико-романтичному мистерии о прогнившей неадекватности, через сто лет воскресенный томным воображением инфантильного романтика.

Я пил, я тумом серельной. Но ни минувшие дела.

Признаем «а или» Пушкин во всеуслышанье аявлял, что воскресение «в нем феодальных инстинктов, а упоминание о «днях минувших» дает уже истеричающее представление о его политическом взглядах того периода.

Взлорожанье стоимости Удобрения в Бессарабии, а также известие о предстоящем таможенном соглашении между Россией и Австрией ускорили, однако, процесс декласации поэта. Первая стадия этого процесса — патриархально-мелкобуржуазная, с мелким налетом середняцкой идеологии. Этим объясняется и самое название одного стихотворения — «Стекла жизни». Буть оно написано за год до отъезда, Пушкин, несомненно, озабочен был его «Колесница жизни», или «Жизни», «Таратая», «Шпабана», «Карета», в крайнем случае, «Бричка жизни».

Студентская стадия декласации — интеллигентно-чиновная, с отдаленным приближением к средним нормам мелкобуржуазного мироустройства. 22 ноября 1831 года в 11 часов утра Пушкин вступил в последнюю стадию своего классового развития, патриархально-мещанскую (см. первые три строфы стихотворения «Утопленник»), а последняя подулериально-разночинной (см. последнюю строфу того же стихотворения).

31 января 1837 года (по старому стилю) Пушкин, по всем данным, намеревался уловить идеологию «каришеского феодализма» и плейбействующего буржуа, но, увы, пуля Дантеса приостановила дальнейший процесс классового формирования великого поэта.

Пред иванкой благородной Деве выиграл стога.

Второй выиграл, что, как вы догадываетесь, сам Всеволоцкий.

А поминать:

Нифра плод повеса восторгов влюбленного бога et cetera, et cetera?

Так это про одну могилевскую блондинку. Роскошная была женщина: безумный темперамент, демонический взгляд, движения, полные страсти и неги. Сохраняла, знаешь, анекдот...

А насчет «кобылицы» вы смеялись? Неужели не помните: Кобылица молодая, Честь кавказского тавра... и т. д. и т. д.

Появля, о ком речь? Жаль, в док-

были прорывы в его мировоззрении, пропитанном атеистическим духом. Всем известно, что Пушкин прибегал даже к явным кощунственным о точках зрения религии обрядом. Так, он сам рассказывает, что 7 апреля 1825 г. в день смерти Байрона он заказал священнику обедню за упокой души Байрона. Он пишет брату в тот же день: «Я заказал обедню за упокой души Байрона. Сегодня утром его смерти... В обмен червонец — просящий милостыню. Это немыслимо — именовать мессы Фридриха II за упокой души господина Вольтера. Вяземскому послала вынутую профессору отцом Шкловой за упокой поэта».

50 лет тому назад просвещенный Никанор, архиепископ Херсонский и Одесский, проназав проповедь «в неведение блудного сына» о Пушкине. В этой проповеди знаменитый по Никанору не мог не признать, что Пушкин был необычайно одаренным человеком. Что же увидел со своей поповской точки зрения архиепископ в пушкинской поэзии?

«Видим мы в этой поэзии не только обаяние блуда, но и обаяние его в принципе, но и восприятие его в абсолютных звуках, но и всецелое поощрение к нему, но и запоевание его в прелестных завещаниях поэта». Поп возмущается тем, что поэзия Пушкина являлась «провокационным худшим в амическом култе, эпизурического култа наслаждения». Но особенно печалится поп по поводу того, что Пушкин — на стороне невесты! Воспевает проповедник. Наполнена так же, как и революционная свобода была его кумиром... Сам не замечая этого, крестовый критик возлет величайшую похвалу Пушкину. «Да, мой свой он делит на две части: одну — ему несочувственную, другую — сочувственную, относя к последней все свободное, мятежное, отъявленное, непокорное, чувственно-прекрасное, ирривное, возмущающее, отрицательное. Этого ми-

ЗНАКОМОЕ ЛИЦО

Он с этим Пушкиным на ты, А с этим — дальнее знакомство.

МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОН

Пушкинана

По Леониду Гроссману

Элегантный, очаровательный зловещий шпир струился, как величественные восточные Расия. Дамские декоративные роскошество слезили цветом карьерского мрамора. Мысль Пушкина, нахлынувшая в состоянии dolce far niente, воспринимавшая в это мгновение мир sub specie aeternitatis, молниеносно настроилась на анакронистический лад. В Пушкине зазвучала эпоха арфа лирических прелюдий, «фривольно элегантно стали выстраиваться в ряд, складываясь в шарнирную ослепительную мозаику, в дико-романтичному мистерии о прогнившей неадекватности, через сто лет воскресенный томным воображением инфантильного романтика.

Я пил, я тумом серельной. Но ни минувшие дела.

Признаем «а или» Пушкин во всеуслышанье аявлял, что воскресение «в нем феодальных инстинктов, а упоминание о «днях минувших» дает уже истеричающее представление о его политическом взглядах того периода.

Взлорожанье стоимости Удобрения в Бессарабии, а также известие о предстоящем таможенном соглашении между Россией и Австрией ускорили, однако, процесс декласации поэта. Первая стадия этого процесса — патриархально-мелкобуржуазная, с мелким налетом середняцкой идеологии. Этим объясняется и самое название одного стихотворения — «Стекла жизни». Буть оно написано за год до отъезда, Пушкин, несомненно, озабочен был его «Колесница жизни», или «Жизни», «Таратая», «Шпабана», «Карета», в крайнем случае, «Бричка жизни».

Студентская стадия декласации — интеллигентно-чиновная, с отдаленным приближением к средним нормам мелкобуржуазного мироустройства. 22 ноября 1831 года в 11 часов утра Пушкин вступил в последнюю стадию своего классового развития, патриархально-мещанскую (см. первые три строфы стихотворения «Утопленник»), а последняя подулериально-разночинной (см. последнюю строфу того же стихотворения).

31 января 1837 года (по старому стилю) Пушкин, по всем данным, намеревался уловить идеологию «каришеского феодализма» и плейбействующего буржуа, но, увы, пуля Дантеса приостановила дальнейший процесс классового формирования великого поэта.

По «Звеньям»

Пушкиноревенде до сих пор бесцельно разрешать одну из сложнейших задач творчества Пушкина. Речь идет о 49-й строфе четвертой главы «Евгения Онегина», точнее четвертой, о следующих строках:

При сих словах он осушил Стакан, оселдек приношение... Как следует читать: «оселдек приношение» или «оселдек приношение»?

В первом случае пришлось бы допустить, что при беседе Ленского с Онегиным присутствовала какая-то особа женского пола. Но ведь текст не дает оснований так думать. Кроме того, как мог Ленский преподнести кому-либо стакан, «м же осушающую»?

Мы думаем, что Ближе к истине те пушкинники, которые настаивают на ролевом подходе: «стакан, оселдек приношение», который свидетельствует либо о бесхозяйственности, либо, что вернее всего, о материальной неустроенности Онегина, об отсутствии у него даже элементарной посуды, о необходимости прибегать к помощи соседей. Эта деталь проливает новый свет на отношения Онегина с людьми и позволяет уточнить его классовую природу, а также и всю идейную концепцию романа.

Мы глубоко убеждены, что пушкинские размышления, в конце концов, эту мучительную задачу. Нет сомнения, что очень скоро будут окончательно выяснены также всевозможные, имеющие немаловажное значение для тех, кто пытается создать новую, тщательно выверенную биографию поэта. Выпил ли Пушкин утром 16 февраля 1826 года полтора стакана сырой воды или, как утверждал почтенный товарищ Крокоборов, два стакана? Как долго продолжался намок от поэта в тот период, когда он работал над «Гробом Чаплина»? Сколько было подано и сколько съедено на свадебном банете у Пушкиных? Какую бабенку любил Александр Сергеевич во время отсутствия с Геккером — левую или правую?

Отсутствие точных данных по всем этим вопросам затрудняет создание научной биографии поэта к столетию его смерти. Но нас не покидает убеждение, что в следующем сборнике «Звеньев» мы уже сумеем порадовать читателя некоторыми открытиями в этом направлении.

Каниферштан

Арго

Рис. М. ХРАПКОВСКОГО

Он с этим Пушкиным на ты, А с этим — дальнее знакомство.

Горе-пушкинсты

В одном из номеров «Литературного Ленинграда» О. Бергольц в своей статье «Доверие к себе» пишет: «...между тем никто не скажет, что стихи, написанные во время бесосновных, «На холмах Грузии» и т. д. устарели».

Не указывая имени автора, О. Бергольц дает понять, что эти стихи должны быть забыты, кому дорог Пушкин. Но вот дальше... Что ты значащий, темный лепет? Я понадеясь, темный лепет? Пушкина или Бергольцы? О. Бергольц доверился своей памяти, и память жестоко над ней посмеялась. О. Бергольц сумел помянуть, что у Пушкина в стихотворении «Стихи, сочиненные ночью, во время бессонницы» есть что-то, не то про «лепет», не то про «слепетая». — лепетлая. Получился вальс. У великого поэта «темного лепета» нет, и не может быть такой бессмысленности.

Пушкин писал: «...Парня бабье трепанье, Спешей ночь трепанье, Жизнь мышья бедотья... Что ты значащий, скучный шопот? Укоризна, или ропот Мной утраченного дня? От меня чего ты хочешь? Ты вонешь или проночьешь? Я понадеясь, темный лепет? Смысла я в тебе ищу...»

Где же «темный лепет»? Не забывай в томики Пушкина, О. Бергольц искалца поэта.

Во всяком случае Пушкина непростительно никому, тем более человеку, причастному к литературе.

«Вечерняя Москва» напечатала заметку Э. Мад «Сделано руками детей», в которой, между прочим, есть такое место:

«Исключительно талантливого воспитателя летомо М. И. Фрунзенского района 12-летний Грак. По его словам воспитательница того же детдома вышлала отдельные эпизоды из сказки Пушкина о «Кобыле-Горбунье».

Автор заметки, очевидно, решил по случаю юбилея великого поэта подарить ему сказку Ершова.

Е. ОРЛОВА

ПРОФАНАЦИЯ

Просматривая меню и помышляя о системном обеде в московском ресторане, вы можете найти среди замысловатых названий блюдо и столь «творческое» кушанье, как «Бэф-строганов, картофель Пушкин».

У жителей Африки существует поверье: воин, севший сердце льва, станет храбрым и непобедимым.

Если дирекция ресторана № 47, предлагающая такое «литературное» блюдо, считает, что этим путем она увеличит популярность Пушкина, а обаяющий приобретает качества великого поэта, то это по меньшей мере глупо.

Эпиграмма

Некто нашел документ, из которого ясно, что Пушкин Третьего февраля утром яичницу ел...

И начинается спор: яичница, да, но какая? Был то омлет-о-фен-зерб или глаузная быца? Спорят с нею и рта весьма почтенные люди Спора причина ясна: высленное яйцо!

КАНИФЕРШТАН

АРГО

Атеизм Пушкина

ОКОНЧАНИЕ.

Жрецы ево — славнейшие писатели разных веков и стран. Началось поклонение идолу разума. Мрак философии затемнил опять свет Христова... По отношению к такому роду мракосию «Бахчисарская песнь» Пушкина, прославляющая солнце разума, бессмертного ума перед бледной лампадой церковной мысли, конечно, является дерзким вызовом.

Много тревоги причина первая «Гавриил» Пушкина. После «Княжата» и «Орлеанской девственницы» Вольтера «Гавриил» Пушкина, несомненно, самое сильное в мире литературное произведение, направленное острым своим прогом церковной религиозной идеологии. Острые лезвия сатеры камня на камне не оставляют от евангельских сказаний о непорочном зачатии. Трудно сказать, на какое армянское предание ссылается поэт, но он дан в «Гаврииле» совершенно новую трактовку этого евангельского мифа о непорочном зачатии. Несомненно, что Пушкин использовал свое обширное знакомство с античной мифологией — греческой, римской, египетской: мифы о богине Изиде, мифы о Деде и др. Бога, возмущающего любовью Марци, Пушкин изображает человеческими чертами.

И Мария Пушкина вовсе не евангельская. Мария — это женщина, жаждущая обыкновенной, человеческой физической любви и легко обманутая. Когда улетает голубь, евангельский «дух святой», Мария рассказывает, как самая обыкновенная девушка:

Он улетел. Улетала Мария Подумала: «Вот шалость вышло! Одну, два, три — как это им не лень? Могу сказать: перенесла тревогу: Досталась я в один и тот же день Лукавому, архангелу и богу!»

В 1826 году, через 6 лет после того, как появилась «Гавриил», жандармский полковник Библион писал:

«В своем доверии о влиянии Пушкина на него «Гавриил» на молодое поколение: «Воспитанные по большей части в идеях мятежных и сформированные в принципах, противных религии, они представляют собой расхождение, который никогда может стать гибельным для отечества и для законной власти... Выиграли ли оттого, что сослал Пушкина в Крым? Такие молодые люди, оказавшиеся в одиночестве, в пустыне, отлученные, так сказать, от всякого мыслительного общества, лишены всех надежд на заре жизни, иллагают жалче, вызываемую нелюбовством, в своих сочинениях, навязывают государство массовую бедность стихотворений, которые разнятся памятью восставания во все сознание и нападают с опасным и вероломным оружием наmeshки на святое религии — этой глупе, необходимой для всех народов, а особенно для русских (см. «Гавриилу», см. Пушкина)... Присоединяю здесь стихи, которые ходят даже в провинции и которые служат доказательством того, что есть еще много людей злодейственных!»

Пачисте, русские народы, Для вас невнятен славы клич. Не нужны вам дары свободы, — Вас надо резать — или стричь!»

Сам Пушкин в одном из своих рассказов, что пребывание в Одессе завершило его атеистическое мировоззрение. В переизданном жандармским письме Пушкина в марте 1824 года под псевдом: «Наташ Шекспира и Библю», святой дух ивола мне по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира. Ты хочешь знать, что я делаю: пишу нестранные строки романтической поэмы... и беру уроки химического поэма. Здесь англичанин, глухой философ, единственный умный англичанин, которого я еще встретил. Он написал листов тысячу, чтобы доказать невозможность бытия разумного существа, творца и создателя, а именно: атомолонгичинство слабые доказательства бессмертия души. Система не столь утешительная, как обыкновенно думают, но, к несчастью, более

Б. Л. Молдавалевский. Пушкин под лавным надзором, 1922, стр. 10.

Л. Майков. Пушкин. Биографические материалы, 1899, стр. 81—82.

всего правдоподобная. Это было за год с небольшим до восстания декабристов, когда правительству Александра I уже было известно кое-что о настроениях кругов, близких Пушкину. Правительству Александра I, конечно, было известно, что такое, чтобы сослать Пушкина под политический надзор. Известно, в какой обстановке жил Пушкин в этой ссылке.

Его друг Пушкин рассказывал впоследствии, как он пришел к Пушкину и привез ему в подарок новинку «Горе от ума» Грибоедова... После обеда он начал читать вслух... Среди этого чтения кто-то подала и крикнула: Пушкин взглянул в окно, как будто смутился и торопливо раскрыл лежащую на столе Четьи-Минусе. Записка его смущенная и не подражая мейера, я спросила его: что это значит? Не успел он отвечать, как вошел в комнату названный, рыжеватый монах и рекомендовал мне настоятелю соседнего монастыря. Я поехала под благословение Пушкина — тоже, прося его сестру. Монах начал извешивать в том, что быть может, помешал нам, потом сказал, что, узнавши мою фамилию, ожидал найти знакомого ему П. С. Пушкина. Когда забывались от этого гостя, Пушкин вызвал свою досаду, что названный это посещение: «Перестань, лезвешый друг. Вель он и без того бывает у меня, я поручил его влюбленному. Что говоришь об этом вальсе?»

Приведенные свидетельства и материалы достаточно нам кажутся, для того, чтобы убедиться в том, что Пушкин был убежденным противником религии, противником церкви, одним из первых атеистов, на которого обрушились кары царской власти. И совершенно зря некоторые биографы Пушкина, в том числе и Вереснев, пытаются представить Пушкина верующим на том основании, что у него можно найти религиозные высказывания, или на том основании, что Пушкин совершал те или иные религиозные обряды. Мы видели уже, как относился Пушкин к совершенно этим религиозным обрядам, и знаем, что религиозные построения — это

были прорывы в его мировоззрении, пропитанном атеистическим духом. Всем известно, что Пушкин прибегал даже к явным кощунственным о точках зрения религии обрядом. Так, он сам рассказывает, что 7 апреля 1825 г. в день смерти Байрона он заказал священнику обедню за упокой души Байрона. Он пишет брату в тот же день: «Я заказал обедню за упокой души Байрона. Сегодня утром его смерти... В обмен червонец — просящий милостыню. Это немыслимо — именовать мессы Фридриха II за упокой души господина Вольтера. Вяземскому послала вынутую профессору отцом Шкловой за упокой поэта».

50 лет тому назад просвещенный Никанор, архиепископ Херсонский и Одесский, проназав проповедь «в неведение блудного сына» о Пушкине. В этой проповеди знаменитый по Никанору не мог не признать, что Пушкин был необычайно одаренным человеком. Что же увидел со своей поповской точки зрения архиепископ в пушкинской поэзии?

«Видим мы в этой поэзии не только обаяние блуда, но и обаяние его в принципе, но и восприятие его в абсолютных звуках, но и всецелое поощрение к нему, но и запоевание его в прелестных завещаниях поэта». Поп возмущается тем, что поэзия Пушкина являлась «провокационным худшим в амическом култе, эпизурического култа наслаждения». Но особенно печалится поп по поводу того, что Пушкин — на стороне невесты! Воспевает проповедник. Наполнена так же, как и революционная свобода была его кумиром... Сам не замечая этого, крестовый критик возлет величайшую похвалу Пушкину. «Да, мой свой он делит на две части: одну — ему несочувственную, другую — сочувственную, относя к последней все свободное, мятежное, отъявленное, непокорное, чувственно-прекрасное, ирривное, возмущающее, отрицательное. Этого ми-

ра он был певец, угодник и раб столько же, как другого мира враг и отрицатель. Для опозорения этого другого мира, для унижения, для вскопеления он сделал о своей стороны... что только он мог сделать».

Конечно, попы и другие реакционеры не могли приносить Пушкину его возмущенного отношения к декабристам, которые он ярво высказал в известном «Послании к Чаадаеву»:

Мы ждем о восторгом упования Минуты вольности святой, Как жлет любовник молодой Минуты сладкого свиданья... Товарищ, верь, выйдет она, Заря пленительного счастья, Россия вспнет от сна, И на объмах самовольства Нашлет нам ижема!

Пушкин — волюнтер и атеист, Пушкин — друг декабристов, Пушкин — материалист, автор «Гавриила», был белым на глазу у православного духовенства. Оно не могло оставить в покое его памяти, и проповедь архиепископа Никанора — не единственная в этом роде. Семнадцатого февраля 1837 года, когда Пушкина изобразил в некоторых из своих портретных эскизах, а именно и сейчас еще такие произведения, как «Гавриил», являются мало распространенными.

В свое время Пушкин сам дал ответ таким критикам, которые оценивали его антирелигиозные вещи как безразличные:

«Эти господа критики, — писал Пушкин, — нашли странный способ судить о степени нравственности какого-нибудь стихотворения. У одного на них есть 15-летняя племянница, у другого 15-летняя знакомая, и все что по благоосмотрению родителей еще не дозволяется им читать, провозглашено неприличным, безразличным, похвальным... Все эти

чи с действительным атеистическим мировоззрением поэта.

Церковники даже пытались деспотствовать благородный образ Пушкина для иконы. В Центральном антарктическом музее можно видеть икону «Святых мучеников Козьмы и Дамьяна», вышитую в одной из церквей, где изображен под видом одного из святых кто иной, как А. С. Пушкин.

СОВЕТСКАЯ ПЕСНЯ

Хорошую песню поют везде — в городе, в деревне, в школе, в клубе, и на улице во время демонстраций, и дома, собравшись в кружок; ее поют и старые, и молодые. Но таких песен у нас мало. Выступивший на совместном заседании президиума СССР с союзом советских композиторов директор Музгиза Т. Триберг констатирует, что из 85 вышедших в этом году массовых песен получили распространение всего восемьдесят семь песен.

Остальные народ забраковал. Чем объясняется этот факт? Тем, что по-настоящему до сих пор никто песен не записывал — ни союз советских композиторов, ни Музгиз, ни поэтическая секция ЦСР. Они не проявляли внимания творческим работникам к созданию песни.

До последнего времени Музгиз так бюрократически встречал авторов, что многие из них перестали посещать издательство. В союзе советских композиторов за все время не было совещания об отборе песен по вопросу массовой песни. Творчество некоторых композиторов (Покрас, Блазнев), создавших ряд популярных песен, в союзе расценивалось как не серьезное, несомнительное, недостойное внимания.

Поэты и композиторы вообще уделяют песне незначительное место в своем творчестве.

Между тем у нас есть неплохие образцы массовых песен. К ним в первую очередь относятся песники Лучинского, обладающие большой мелодичностью, простотой, уходящие своими корнями в склад народного песенного творчества.

На совещании остро встал вопрос, какой должна быть массовая песня? Т. Сушков, Гусев, Остров, М. Горюхов, Л. Утесов, композитор Чемазкин, А. Селиванов, Востриков и другие пытались, каждый по-своему, ответить на этот вопрос. Общее мнение свелось к тому, что советская песня должна быть проста, она должна в простых и немногих словах, записанных на слух, выразить те чувства, которые волнуют миллионный народ.

Удовольствие от песни советской поется этим требованием? Песня не должна быть оторвана от жизни. Не удивительно, что так мало создано хороших песенных текстов и так мало хороших песен.

Отбор отграниченность, отдаленность, отрываемость! К борцам советской революции! К борцам советской революции! К борцам советской революции! К борцам советской революции!

Этот набор высокопарных слов не только не удовлетворяет, но и раздражает. Не лучше написанная А. Прокофьевым песня советских подводников:

Нам лень было лезть, да и что слабило! Нам лень было лезть, да и что слабило!

Вот и все, что пишут. Слабо отражено в песнях богатство и разнообразие тех вещей действительности. У нас создано немало маршей (марш удальчиков, пелотов, подводников и т. д.), но нет веселых песен, песен о любви, о дружбе. Не воспевают поэты и героика социалистических будней.

Два вечера продолжалось обсуждение в ЦОП массовой советской песни. Два вечера поэты и композитор спорили о том, какой должна быть советская песня, какими путями она будет развиваться. Не все выступившие были равновесны, не все были корректны и принципиальны. Некоторые ораторы предпочли говорить о побочных, малосущественных вопросах. Несмотря на это, первая попытка привлечь внимание творческих работников к советской песне нельзя считать удавшейся.

Очень жаль, что на совещании не было многих наших поэтов (Н. Асеева, С. Кирсанова, Сельвинского, Луговского, Светлова и др.). В. АНОВ.

Непристойный сумбур

Б. Брайнина

Перед нами обложка (20 печатных листов), хорошо названная книга в голубом переплете: «Непристойный сурбур» Сергея Буйданова. Книга издана в 1936 г. издательством «Советский писатель». Читатель верит названию, читатель не допускает мысли, что повести и рассказы, написанные в 1930 г. (большинство рассказов датировано этим годом) и переработанные в 1936 г., могут оказаться недостойными его внимания.

Первое произведение, занимающее треть всей книги, носит название: «Повесть о страданиях ума». Герой — молодой, талантливый ученый Михаил Греков живет во второй половине прошлого века. Он продолжает стараниями этой молодой ученной переживает, переживает, страдает, приобретает к «самобытным» попыткам и на самой последней странице примиряется с миром. Но в чем дело? Читатель никак не может понять. Набор вымышленных, путанных, неумных фраз, понятий эпитетов, непристойных натуризмов. Ни одной простой, правильной мысли, ни малейшего намека на художественность.

Ученый Греков женился без любви на болезненной женщине, которая оказалась «склонна к душевным истерикам и порывам, покусывала шею и покусывалась беззубо, ципала и парализовала его руки у локтей». После смерти жены Греков испытывает «сложное чувство зависти к трупу».

Несмотря на то, что «склонная» обложка его тела жила «вечно», она «вечно беззащитна», все кругом «полюбопытство», «всесовершенство», «насыщенность», «блестящая», «испробованная» «блестящая», «испробованная» «блестящая», «испробованная» «блестящая».

Помимо трудно-любознательных переживаний герой мучает также и научные проблемы: «принимать, восторженно обдумывать, замесить уже пришедший свой вкус и этой тяжестью ополотить от записей, от работы выражения себя, от продолжения мысли».

Все беснования этого «многооблачного» героя кончаются все-таки благополучно. Приблизительно на девяносто восьмой странице он увидел насекомых, которые «умирали» завидно, безболезненно, в порыве «слияния». И тогда он вспомнил «о мощи дества» и «слишком стремительно», «слишком упорно, слишком далеко хватаясь отрицания превращения в утверждение». Герой «остановился, чуть не завопил от переполнения, от переиспытания мгновения». Два времени столкнулись в нем. Тотчас, расширив прошлое и шастающее, распахнул его.

Та же болельская эротика, тот же натурализм и смехотворные притязания на раскрытие глубин человеческой психики и в других рассказах.

В «Весенней песне» действие происходит приблизительно в наше время. Герой «связывается» Семелов. Вот начало этой «весенней» песни: «Семелов, в своей прической, в своем образе, в своем образе, в своем образе».

Волень, физическое уродство, блудливый вид собак, патологически беспечные самоубийства Семелова — вот

Сергей Буйданов. Избранное. Изд. «Советский писатель». 1936. 367 стр. 10 200 экз. 7 р. 25 к. Редактор М. Челозанский.

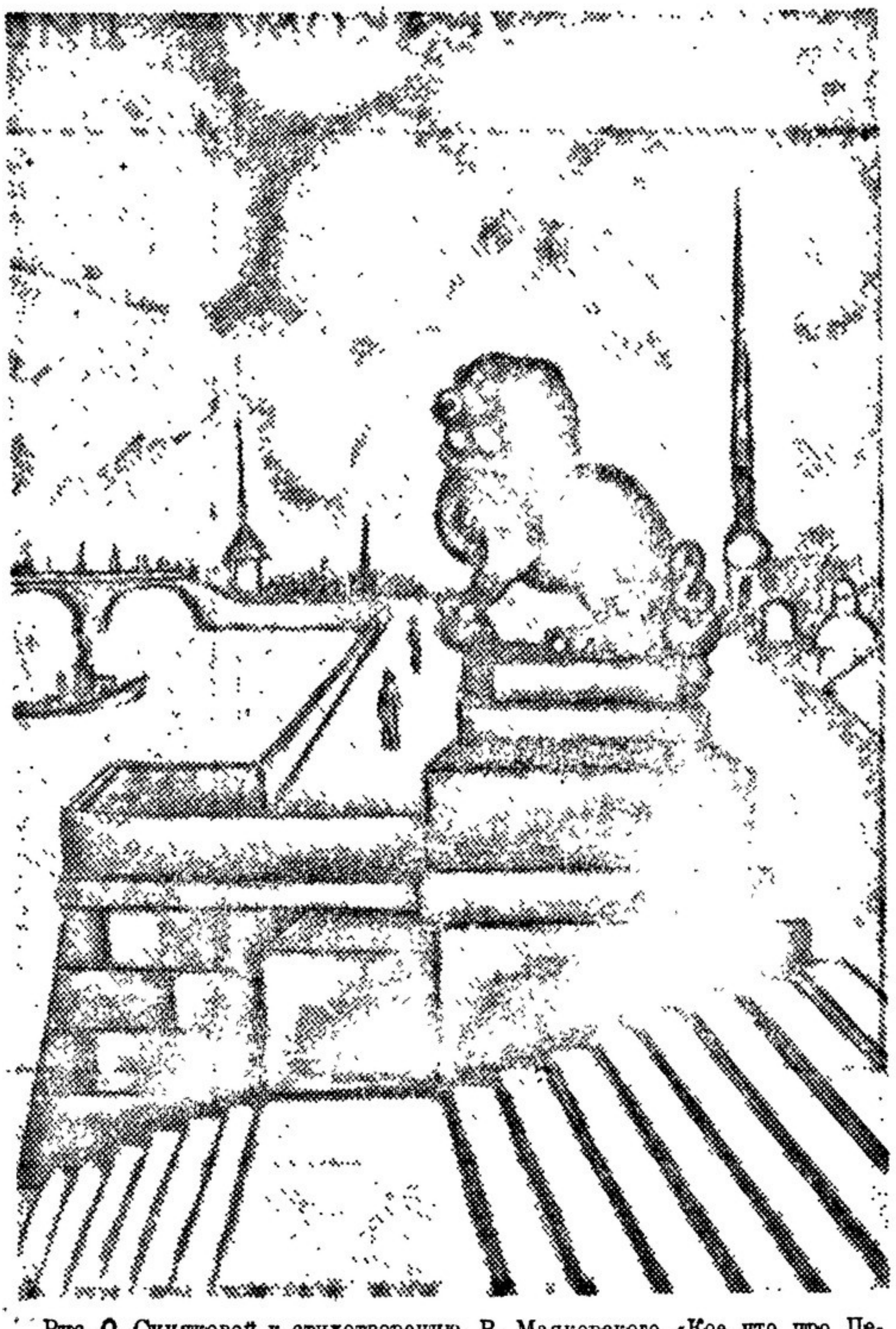

Рис. О. Сидяковой к стихотворению В. Маяковского «Кто что про Петербург» (издательство «Academia»).

Книга, дискредитирующая советскую литературу

В связи с напечатанной в «Правде» от 8 декабря с. г. статьи А. Фадеева о книге Л. Савина «Нафта» и редакционным примечанием «Правды», выпущенным при издании этой книги, мы хотели бы обратиться к издательству «Советский писатель» т. Лазарю.

— Договор на переиздание книги Л. Савина, — говорит т. Лазарь, — был подписан в январе 1936 года — бывшим заведующим издательством т. Фофановым. Вопрос о расторжении договора был поставлен мною приблизительно в апреле с. г.

Роман Савина отличается невероятным многословием.

Не только отдельные абзацы, но целые страницы заставляют недоумевать, зачем они написаны, что автор хотел сказать, какое они имеют отношение к основной его теме.

Самую простую мысль, обыкновенную фразу, сравнение, реплику автор размазывает так, что порою трудно докопаться до смысла. В результате чуждые места в книге оставляют впечатление надуманного пустословия, бессодержательной трескотни.

Подозревая большинство персонажей романа, будь то английский генерал, русский или турецкий промышленник, мастер или рабочий, все, независимо от обстановки, балует и говорит с какими-то неестественными ужимками и прибаутками.

Отдельные моменты в романе просто политически безграмотны. Автор

указывает, что «переворотом в Бакинском совете не состоялся, ибо, утрачивая влияние на массы, он постепенно отмирал». Но несколькими строками дальше автор принужден расставить, как бы случайно, резолюция о захвате власти прошла в совете большинством 293 голосов против 78, и какой энтузиазм это вызвало в рабочих массах. Где же «отмирание» совета? Где же «утрата влияния на массы»?

Автору ни в какой степени не удалось дать четкую картину всего многообразия этапов борьбы за нефть, ему не удалось дать правильной, исторически оправданной, художественный анализ этой борьбы.

Разумеется, в таком виде романа Савина мы переиздать не могли. По крайней мере оценка писателя, в частности т. В. Ивановым, вызывает искреннейшее удивление.

В переговорах с издательством Л. Савина проявил настойчивость, граничащую с глупостью. Он почти загнул нас, спекулировал на именах крупных писателей.

Нам суд с Л. Савиным еще не окончен. Кассационная коллегия постановила передать дело на новое рассмотрение. Однако я глубоко уверен, что суд найдет единственно правильное решение и помешает появлению на советском книжном рынке плохой книги, дискредитирующей советскую литературу.

Военные заметки

Вс. Вишневский

За 16 лет в легюне создался кадр опытных старших солдат, отдаленно изучивших все приемы малой войны. Этих солдат в 1934 г. и бросили в Астурию.

Против горняков Астурии дрался один батальон (батальера) легюне. Франко таким образом использовал проверенных людей. Легюнеры действовали как спущенные с цепи. Их терять в Астурии не стоило.

В ту же пору действовал исподволь оседл и сослуживец Франко, генерал Варела. Он командовал марокканскими дивизиями. Генерал хотел в конечном марокканском бунте, с охраной из самых рослых каблонов, дружить с начальником родов и племен, с духобитовым. Зеленым полумсям на груди генерала должен входить уважение и почтение. Марокканские дивизии обрабатывались так: «Самые лучшие, обещания «свободности» и пр. О том, как содействие иностранной дивизии семеновал в 1920 по 1928 г. — все упоминалось.

В боевом отношении две марокканские дивизии представляли хороший материал. Кабиль (жители гор) отличные стрелки, упорные в наступлении и в атаке.

Восстание в Астурии было раздано легюном. Народ не слался. Борьба шла в феврале 1936 г. Народный фронт одержал огромную победу в выборах. Кортез (парламент) переходили в руки левых партий.

Шестнадцать месяцев, упорно гаваря реакция: Роблес, сын Примо де Ривера и генерал Санхурхо, Франко в день мятежа, т. е. Франко, «взрывавший» морской и воздушной помощью Германии и Италии, распустил переборку сил из Марокко. В дело были пущены три марокканские дивизии. Помимо них в дело вступили: 1) остатки пехотных частей в южной и северной Испании (5-ая, 6-ая, 7-я и 8-ая дивизии); 2) остатки гражданской гвардии (жандармерии); 3) батальоны «фалангистов» (испанских фашистов, вождь которых был расстрелянный на-днях Ривера); 4) батальоны карлистов (монархистов); 5) батальоны монархистов-бурбонов. Последние две группы (карлисты и бурбоны) условно считались с Франко — «жиды вхола войны» и пока не выдвигали своих кандидатов «Вздыгав» они на престол Испании принца Козима на Бурбоны Пармы и принца Дона Хуана, третьего сына экс-короля Алфонса, вынужденного бежать в 1931 г.

Силы мятежников, как полагал ход борьбы с ноль, не были подкреплены резервами. Ставка мятежников была незначительна. Франко рассчитывал исключительно на свои кадры: части: легион, марокканцев и 4 стрелковые дивизии.

18 июля мятеж разразился. Против главных мятежных дивизий в Мадрид, Барселоне и других городах разинулся сам народ. Надо считать, что народ вывел не строя сразу до половины дивизий мятежников. Показали пример коммунисты Мадрида. В Барселоне рабочие расхватали в арсеналах 40.000 винтовок и обрушились со всех сторон на вазарми и монархисты. Где был штаб мятежников. Враг был тут уничтожен.

19 июля мятежники в основных пунктах страны были подавлены.

Военные заметки

Вс. Вишневский

Испанская армия ведет свои традиции почти от Пелладо — «созвообщателя свободы испанцев» в VII веке — астурийского воина-аравов. Бурная история страны записала на свои страницы кончину и дружины рыцарских орденов Калатравы и Алькантара, испанские повстанцы в Италию, покорение Карла V с восточными народными племенами — доминионами (1521 г.), экспедиции в Нидерланды, Мексику и Перу, расправы с маврами (в 1570 г. их победил до 400.000 чел.), войны с Турцией, плавание «Необедимой армией» и ее гибель у берегов Англии, войны за испанское наследство, постепенное падение могущества Испании, надломленного в борьбе с Англией.

К наполеоновской эпохе испанская армия и флот были уже ветхими. Армия насчитывала едва 50.000, но имела 83 генерала, сжиравших совместно с обильным дворянским офицерским корпусом феноменальный бюджет: 935 миллионов. Армия эта была бесцельная защита страны против французов. За дело ввязался испанский народ. Народное восстание — «свержение» — против иноземцев дало толчок.

XIX век в Испании был полон мятежей, переворотов, «принципиальных» и революционных восстаний (восстание 4 батальонов Рието). Армия принимала в них неперемное участие, между прочим в антимонархическом восстании 1868 г. Следы всех этих дворцовых переворотов, войн провинций, визитных войн в гарнизонах, выступлений колониальных частей мы различаем ясно и поныне.

Армия Испании комплектовалась веками из крестьянских — малорачетных и нерабочих контингентов. Наличие в стране чудовищного штата католического духовенства (до 200.000 чел.) накладывало на крестьянство и армию определенный отпечаток. Дворянское офицерство и генералитет использовало армию подобно своим пелам. Обнартвотившись во внешних войнах последнего времени (испано-американская война, ряд неудач в Марокко), эти люди перенесли свою деятельность внутри страны. Тому были причины. В Испании с семнадцатых годов XIX в.

произошло развитие рабочее движение (первая генеральная забастовка в Барселоне отмечена еще раньше: в 1856 г.). В первой трети XIX века испанский пролетариат вырос в огромную силу. В 1902 г. рабочие Барселонского района добились 60-ти часовых рабочих дней в неделю. В Барселоне возникло рабочее восстание — протест против порабощения Марокко. (Против истории: порабощение марокканцев левыми, обманутые, против своих друзей и благодарных защитников). В лучшие годы рабочие организации Испании насчитывали более миллиона членов. Компартия, возникшая после мировой войны и вообразившая лучшие элементы профсоюзов, сох. партии и отчасти б. анархо-синдикалистов, насчитывает ныне 188.000 человек. Для страны с населением в 24 миллиона такие цифры значительны.

Социальная борьба в Испании крайне обострилась с началом мирового кризиса (1929 г.). Испанию яростно ударил олушанский. Он подрвал в Испании, состоявший из с. х. экспортеров. Станавливались заводы (Барселона, Мадрид). В 1931 г. грянула первая по новейшей истории Испании. Монархия была свергнута. Всеобщая забастовка охватила в Барселоне 300.000 рабочих. Строились баррикады. Буржуазно-республиканское правительство пыталось остановить движение. Беспорядки. Стачки охватили к началу 1932 года 2 1/2 миллиона человек. За два месяца 1933 г. было захвачено крестьянами 170 имений.

Буржуазия ответила мобилизацией своих сил. Силы народа не были обесцелены. Выборы 19 ноября 1933 г. дали победу правым и центру. Компартия была запрещена. Профсоюзные организации были брошены в тюрьму. Народ ответил шквалом забастовок и протестов. Осенью 1934 г. в Испании был создан Народный фронт. В октябре вспыхнула всеобщая забастовка. Она перешла в вооруженное восстание в Астурии, отчасти в Каталонии и Галисии. Вот тут-то испанская буржуазия, духовенство и крупные земельные собственники прибегли к помощи армии.

Что представляла собой эта армия в 1934 г.?

Это была отсталая, лишняя всякого опыта, армия, насчитывавшая

Военные заметки

Вс. Вишневский

По мере развертывания событий, Франко был принужден расколоть свои силы все шире. Сейчас осталось лишь 10—15.000 марокканцев в марокканском лагере и группа ген. Мола. Отсюда — лихорадочное стремление возместить дело техникой: «Ошерская», «Гейдель», «Капрони» и пр. Примерно в сентябре был момент, когда мятежники превосходили воздушные силы народной армии в 15—20 раз. Сейчас положение меняется уже в обратную сторону. Декларация народного правительства от 22 ноября гласит: «...Растет военное производство и беспрерывно растут возможности этого производства. Армия располагает танками и самолетами...».

В ходе борьбы определились первые регулярные части новой народной армии: Интернациональная бригада, 5-й полк, Каталонская колонна, астурийская колонна, отряды мадридских студентов-ополченцев и др.

Интернациональная бригада сформировалась, как ответ на легион. В бригаду вошли участники войны 1914—18 гг., старые рабочие — немцы, французы, англичане, итальянцы, поляки и др. В бригаде — батальоны Тельмана, Марти и Гарibaldi. По своему составу и боевым качествам эта бригада не имеет равных на фронте. Эта бригада вела бой у Аражуэнца. В критические дни в ноября с. г. она подошла в Мадрид, прошла, бурно встреченная населением, к боевым линиям и двинулась в бой с пением «Интернационала». Эта бригада вместе с 5-м полком, каталонцами, астурийскими динамитчиками, танкистами и летчиками за три недели боев по меньшей мере раз 30—40 отразила легионеров Франко и марокканцев у мостов через Мансарес, у парка и Университетского городка.

Интернационал передает свой боевой опыт соседним частям. Писатель-антифашист, б. германский офицер Людовик Ренин из оков бригады дал боевые наставления пехоте.

Полк германцев и боевых особенностей трехмесячный отряд астурийских шахтеров, дерущихся рядом с Интербригадой. Динамитчики этого отряда останабили итальянцев и немцев в танки, лошадь под них и зарывались вместе с динамитными своими носами.

5-й полк, приобретающий все всемирную известность, сформирован главным образом из рабочих, в значительной части коммунистов. Командир полка является т. Листер. Его биография проста. Он сын рабочий и каменщика. В юности эмигрировал на Кубу, работал. Вернувшись в Испанию, работал в подполье, был в тюрьме. В 1931 г. волежал в ком-

партии. С началом боев в конце этого года добровольно пошел в 5-й полк. Выделив храбростью и инициативой в боях на перевалах Гвалларамы. Был назначен сальферином (парторгом), затем майором, и, наконец, командиром полка является т. Доловец Ибаррури.

Полк имеет крепкую парторганиацию, ежедневную газету «Мианиса полугар», свой гимна-марш. Бойцы полка олеты в одинаковом защитном форму.

Среди новых частей народной армии надо отметить исключительно умело действующих артиллеристов, пулеметчиков, танкистов и летчиков. Республиканские летчики сбросили за последний месяц свыше 120 фашистских самолетов.

Из газет известно, что Народная армия имеет уже свою военную академию и курсы комсостава. Академия находится в Каталонии. Она уже преподавала наиболее выдающимся летчикам, кадристам, инженерам и др. В. Др. прошли строгую фильтрацию. Занятия в Академии ведутся с 8 утра до 10 вечера. Характерно, что на лекциях присутствуют, помимо солдат, все свободные каруэльные солдаты.

Действительность позволяет сказать, что испанский народ в исключительно короткий срок создал первозданный новый народно-революционный фронт. Армия эта имеет неисчерпаемый резерв: рабочий класс и крестьянство Испании. (На территории народного правительства — до 11 миллионов). На наших глазах, — об этом говорит декларация испанского народного правительства от 22 ноября — эти резервы приходят в движение. «Необходима», — обращается правительство страны... — всеобщая мобилизация всех сил народа, о мобилизации кадров промышленности, транспорта, сельского хозяйства.

Упорно, железным шагом новой армии Испании, частью, рожденными в огне, удалось отстоять натиск армии Франко на Мадрид, куда наступление расползлось 400—600 новейших самолетов, более чем 200 танков, тяжелой артиллерией и пр. и пр. Еще раз подтверждена истина о беспомощном господстве прогрессивной армии и нового бояца над техникой.

Ген Франко пытается ныне прустать в ход немецкие части и ОБ (отраваляющее вещество). Народное правительство найдет силы и средства продолжать и эти попытки.

Требуем ответа

В «Правде» за 6 декабря в статье А. Фадеева «Перо халтурщика» правильно разработана халтурная деятельность Льва Савина, автора «Нафты».

В большом редакционном примечании «Правды» вскрывается весьма поучительная история, как действуют, помогая Савину, еще существующие либералы в литературе, «готовые обогатиться своими друзьями» за счет государственного кармана. В примечании «Правды» назван В. Иванов, как раз требовавший переиздания «Нафты», в который он открыл несуществующие достоинства.

Тов. В. В. Иванов, действительно допустил большую ошибку, и писательская общественность вправе спросить у тов. В. В. Иванова, — как эта ошибка была допущена им, секретарем союза «Советских писателей».

Советская общественность вправе также задать вопрос и тов. К. А. Фадееву, который трижды в правлении Литфонда требовал защиты авторских прав Л. Савина, требовал переиздания «Нафты». К слову сказать, тов. Фадеев — член правления Литфонда, который ограничил свою деятельность в нем в основном... ходатайствами за Л. Савина.

Мы могли бы адресовать этот же вопрос и некоторым другим добродетелям Л. Савина, которые в безавидных письмах в издательство «Советский писатель» требовали немедленного переиздания «Нафты».

Пыл этих добродетелей Савина, видимо, был столь велик, что Л. Савина, возмущаемый им, прямо заявил в союз писателей:

— Все равно «Нафта» будет издана!

Чем иным, как не групповым протектизмом, можно все это объяснить?

Или, может быть, добродетели Л. Савина, защитники «Нафты», считают, что А. Фадеев в своей статье

неправ? Что примечание «Правды» несправедливо? Но тогда они должны высказаться. Советская писательская общественность ждет от этих товарищей смелого и прямого ответа, а не культурных разговоров.

Пора, наконец, понять, что нельзя все время бороться за качество художественной литературы, если мы выйдем с подобными фактами.

Пора, наконец, понять, что полные групповые кулуарные действия мешают оздоровлению нашей литературной среды. Они разлагающе влияют на писательскую молодежь.

У всех в памяти случаи в Ленинградском издательстве Добычиним, автором плохой и вредной книжки «Город Эн». Эта книжка вышущая была редактором К. Зелинским, как он признался, под названием друзей Добычина, некоторых ленинградских писателей. Эти самые писатели, собственно, так и не ответили, почему они так «радежи» Добычину.

Проще! Стало быть — можно и дальше? Нет! Пора положить этому предел! Нашим редакторам журналов и издательств также необходимо во всех этих фактах сделать практические выводы.

При переиздании книги надо решительно отбрасывать всякие посторонние соображения, кроме интересов советского читателя. Иначе неизбежна та «вахханалия переиздания», о которой говорит «Правда» и о наличии которой свидетельствует, например, и печатаемая у нас сегодня статья т. Брайнина «Непристойный сурбур».

Кстати сказать, переиздание произведений С. Буйданова, о котором повествует т. Брайнина, в некотором отношении не менее поучительно, чем история «Нафты». Ведь о некоторых вехах Буйданова, вошедших в книгу «Избранное», уже давно писала т. Е. Успенская, подтверждая их справедливой и уничтожающей критикой. В данном случае исчезает даже то слабое оправдание, что критика не сигнализировала, не заметила и не разработала.

При переиздании книги надо решительно отбрасывать всякие посторонние соображения, кроме интересов советского читателя. Иначе неизбежна та «вахханалия переиздания», о которой говорит «Правда» и о наличии которой свидетельствует, например, и печатаемая у нас сегодня статья т. Брайнина «Непристойный сурбур».

Кстати сказать, переиздание произведений С. Буйданова, о котором повествует т. Брайнина, в некотором отношении не менее поучительно, чем история «Нафты». Ведь о некоторых вехах Буйданова, вошедших в книгу «Избранное», уже давно писала т. Е. Успенская, подтверждая их справедливой и уничтожающей критикой. В данном случае исчезает даже то слабое оправдание, что критика не сигнализировала, не заметила и не разработала.

Сверхдорогие книги

Коммерческая «политика» издательства «Академия» не может не вызывать негодование советского читателя. «Академия» не стесняется в расценках, благо советский читатель — человек до литературы жалкий: похочет, похочит, но последние деньги уплатит и книгу возьмет.

Книги «Академии» в буквальном смысле слова трещат в руках читателей — настолько непрочны они стали. Переплеты унылые, однообразные, бумага сероватая, иллюстрации часто отсутствуют, весьма обильно количество опечаток. И только за то, что все это прикрывается фирменной печатью, именуемая супер-обложкой, издательство спирает большие деньги.

Это тем более непростительно, что на полках книжных магазинов, рядом с книгами «Академии», все чаще и чаще появляются книги классической, вышедшие другими издательствами, но гораздо опрятнее и дешевле. Мы уже не говорим о Детиздасте ЦК ВЛКСМ. Вряд ли кто-нибудь решится утверждать, что вышедшие этим издательством романы Валтера Скотта, Кулера, Лондона, Дрома, Гоголя, одиотоник Лермонтова не выигрывают при сопоставлении с вышедшими «Академией» романами. Между тем такая разница в ценах! «Три мушкетера» в Детиздасте, с очень незначительными сокращениями, стоит 10 рублей, а в «Академии» — 20 рублей. Прекрасно названный Детизда-

датом роман Юго «Отверженные» — обильный том в 700 страниц, с большим количеством иллюстраций — стоит 6 р. 50 к. Можно ли сомневаться в том, что если бы на этой же книге стояла марка «Академии», то читатель пришлось бы уплатить вдвое дороже? Таких примеров можно было бы привести множество.

Только на-днях читатель получил от Гослитиздата издание названного романа и повестей Гофмана за 8 рублей. Если бы тот же читатель пожелал купить лежащую рядом книгу рассказов Киплинга в издании «Академии», ему пришлось бы уплатить 18 рублей, хотя ничем замечательным это название не отличается.

В чем дело? Почему такая разница в ценах? Почему за гослитиздатский экземпляр Уэллса, качеством не уступающий аналогичным изданиям «Академии», читатель не должен уплатить 8 рублей, за «42» название? Лишь Лео Толстой, качеством не много раз превышающую продукцию «Академии», уплатил 7 р. 50 к., а за книгу «Академии» вышедшей систематически платит 15—18 рублей? Не следует забывать и то, что наш читатель — человек вполне грамотный, отлично понимающий, что наследники Гомера, Софокла, Филлиппа, Шиллера, Шекспира и других классиков-авторов в «Академии» не получают.

ОМНЕ.

Военные заметки

Вс. Вишневский

Испанская армия ведет свои традиции почти от Пелладо — «созвообщателя свободы испанцев» в VII веке — астурийского воина-аравов. Бурная история страны записала на свои страницы кончину и дружины рыцарских орденов Калатравы и Алькантара, испанские повстанцы в Италию, покорение Карла V с восточными народными племенами — доминионами (1521 г.), экспедиции в Нидерланды, Мексику и Перу, расправы с маврами (в 1570 г. их победил до 400.000 чел.), войны с Турцией, плавание «Необедимой армией» и ее гибель у берегов Англии, войны за испанское наследство, постепенное падение могущества Испании, надломленного в борьбе с Англией.

К наполеоновской эпохе испанская армия и флот были уже ветхими. Армия насчитывала едва 50.000, но имела 83 генерала, сжиравших совместно с обильным дворянским офицерским корпусом феноменальный бюджет: 935 миллионов. Армия эта была бесцельная защита страны против французов. За дело ввязался испанский народ. Народное восстание — «свержение» — против иноземцев дало толчок.

XIX век в Испании был полон мятежей, переворотов, «принципиальных» и революционных восстаний (восстание 4 батальонов Рието). Армия принимала в них неперемное участие, между прочим в антимонархическом восстании 1868 г. Следы всех этих дворцовых переворотов, войн провинций, визитных войн в гарнизонах, выступлений колониальных частей мы различаем ясно и поныне.

Армия Испании комплектовалась веками из крестьянских — малорачетных и нерабочих контингентов. Наличие в стране чудовищного штата католического духовенства (до 200.000 чел.) накладывало на крестьянство и армию определенный отпечаток. Дворянское офицерство и генералитет использовало армию подобно своим пелам. Обнартвотившись во внешних войнах последнего времени (испано-американская война, ряд неудач в Марокко), эти люди перенесли свою деятельность внутри страны. Тому были причины. В Испании с семнадцатых годов XIX в.

произошло развитие рабочее движение (первая генеральная забастовка в Барселоне отмечена еще раньше: в 1856 г.). В первой трети XIX века испанский пролетариат вырос в огромную силу. В 1902 г. рабочие Барселонского района добились 60-ти часовых рабочих дней в неделю. В Барселоне возникло рабочее восстание — протест против порабощения Марокко. (Против истории: порабощение марокканцев левыми, обманутые, против своих друзей и благодарных защитников). В лучшие годы рабочие организации Испании насчитывали более миллиона членов. Компартия, возникшая после мировой войны и вообразившая лучшие элементы

Все готовы, как один!

Луи Арагон

... Писатели всего мира, объединившись для защиты культуры, приветствуют испанский народ...

Так начиналось обращение к испанскому народу... Писатели всего мира, объединившись для защиты культуры...

Каталония. С самого Пуот-Бу, с первой баррикады перед нами — новая страна, где синие бушлаты рабочих превратились теперь в современную военную форму...

Лянас: в старинном доме с готическими сводами, с монументальными лестницами, где чуются тени феодальных времён...

От Лянас до Флиутераса вместе с нами на грузовике едет молодой каталонец...

Он сурово и гордо посылает нам, какую роль он выполняет: — Мы — представители коммунистической партии...

Впоследствии на каждом шагу в Испании я убеждался, какой великой силой порядка и дисциплины является здесь коммунистическая партия...

Я никогда не забуду этого часа радости целого города, не забуду слова «гус» (русский) в устах мадридских женщин...

Когда мы приехали в Мадрид, фашистская угроза была чрезвычайной силой. Утром, после нашего приезда, самолеты мятежников бомбардировали столицу...

Я видел, как проходили по улицам знаменитый 5-й полк, полк коммунистической партии. Подъем, пыльность и спокойствие...

Мы выступали перед тремя тысячами мадридцев, и с нами был Людвиг Ренн, два года прослывший в гитлеровских тюрьмах...

В ползавших мадридских музеях праччут от фашистских бомб картины Рибера, Веласкеса, Греко, Рубенса, Тициана...

А в это время фашисты однажды утром пообещали к республиканским окопам обжигание, истерзанное тело республиканского летчика...

В Мадриде говорят о самолетах, танках, пулеметах. На плакатах, протянутых между домами, преграждая путь «они» пройдут замененным именем испанского народа: «Мы пройдем»!

Слова Пасоарины: «Лучше быть шлодом героя, чем женой труса, запечатлены не только в расклеванных по стенам воззваниях, но и в сердцах женщин».

Восвободившаяся. Все оружие — на фронт! Дух наступления охватил всех. Армия с ее полчищами коммиссаров, етими лучшими людьми страны, вооруженная молодежь, где обещались соопытством и коммунизмом...

В Мадриде говорят о самолетах, танках, пулеметах. На плакатах, протянутых между домами, преграждая путь «они» пройдут замененным именем испанского народа: «Мы пройдем»!

Эмиль Верхарн

К ДВАДЦАТИЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ

Ив. Анисимов

Путь Эмиля Верхарна сопряжен с острыми и сложными противоречиями, достигшими крайнего напряжения...

Первой виной Верхарна были «Фламандцы» (1893). На фоне упалоной неврастенической поэзии «ночного века» этот дебют молодого Верхарна выглядел необычно...

В стихотворении «Старые мастера» Бровера, Тениса, Стана, Красбека названы как тот эстетический идеал, к которому стремился автор «Фламандцев»...

Верхарн, однако, не долгие удержался на позициях жанра героического и буржуазного реализма «Фламандцев»...

Возникновение нового Верхарна происходило в годы, когда под влиянием успехов рабочего движения социалистические симпатии были широко распространены среди бельгийской интеллигенции...

Возникает новое представление о самом типе поэта, о самой задаче искусства, о характере тех средств, которыми располагает поэт...

Верхарн оступлением славит «погоде», сунучожение, «эмку», «топке» и «бездельность».

Верхарн оступлением славит «погоде», сунучожение, «эмку», «топке» и «бездельность».

Верхарн оступлением славит «погоде», сунучожение, «эмку», «топке» и «бездельность».

Верхарн оступлением славит «погоде», сунучожение, «эмку», «топке» и «бездельность».

Верхарн оступлением славит «погоде», сунучожение, «эмку», «топке» и «бездельность».

Верхарн оступлением славит «погоде», сунучожение, «эмку», «топке» и «бездельность».

Верхарн оступлением славит «погоде», сунучожение, «эмку», «топке» и «бездельность».

Верхарн оступлением славит «погоде», сунучожение, «эмку», «топке» и «бездельность».

Верхарн оступлением славит «погоде», сунучожение, «эмку», «топке» и «бездельность».

Фоса. Вот кульминационный момент этого стихотворения: И речь его, похожая на кровь, На осыпку острых жал, разоренных нещадно...

И гнев его, и ярость, и любовь То вместе свитые, то вышесие жалдо Вокруг его идей!

И мысль его, неустово живая, Еся огневая, Вся слитая во вольи и страсти...

И жест его, подобный вихрю бури В сердцах бросающей мечты, Как сев кровавый с высоты, Как благодатный дождь с лазури!

В эти плодотворные годы своего творчества, когда покое его ввучал, как металл, когда о какой-то изумительной естественности текли его слова...

Этот грандиозный и последний вылет Верхарна заканчивается, однако, новым и последним падением. В то правное десятилетие, когда он возвращается к «утопическим», оппортунистическим и вялым пустяковым вопросам...

Верхарн превращается в проповедника социального мира, спокойствия, отказа от действия. Это проявляется во всем, что он пишет, и если раньше его утопия основывалась на том, что «жизнь вокруг растет, поля и жесткой кроны, то теперь Верхарн призывает «смириться и любить»...

В последние стихотворениях звучит мотив «всей Фландрии», формально близкий к тому, с чего начал поэт — к «Фламандцам», но здесь уже нет и признаков бурного и мощного реализма...

То, что было полным падением Верхарна в годы войны, когда поэт захлебнулся в болоте позитивизма, было уже заранее подготовлено...

Вершиной, которой достиг Верхарн, был ряд стихотворений в сборнике «Матейные силы». В знаменитых поэмах «Трибуны» и «Банкиры» с прерывающей законченностью и глубокой выразительностью новые стремления Верхарна...

«Черный период» сделал Верхарна одной из самых колоритных фигур упаднической поэзии, господствующей в то время.

«Выставка «Свободной немецкой книги» организована за границей. Сделать это в Германии сейчас еще более невозможно...

Идеи мира, дружбы и союза народов для фашизма так же неприменимы, как и прогрессивная мысль немцев философов прошлого...

В ответ на открытую в гитлеровской Германии выставку, в Париже организована выставка «Немецкой свободной книги»...

Мы, подлинники кемпы, верим в свое дело. У нас слишком мощные и великие соратники, чтобы мы могли оказаться побежденными...

Мы, подлинники кемпы, верим в свое дело. У нас слишком мощные и великие соратники, чтобы мы могли оказаться побежденными...

И речь его, похожая на кровь, На осыпку острых жал, разоренных нещадно...

И гнев его, и ярость, и любовь То вместе свитые, то вышесие жалдо Вокруг его идей!

И мысль его, неустово живая, Еся огневая, Вся слитая во вольи и страсти...

И жест его, подобный вихрю бури В сердцах бросающей мечты, Как сев кровавый с высоты, Как благодатный дождь с лазури!

В эти плодотворные годы своего творчества, когда покое его ввучал, как металл, когда о какой-то изумительной естественности текли его слова...

Этот грандиозный и последний вылет Верхарна заканчивается, однако, новым и последним падением. В то правное десятилетие, когда он возвращается к «утопическим», оппортунистическим и вялым пустяковым вопросам...

Верхарн превращается в проповедника социального мира, спокойствия, отказа от действия. Это проявляется во всем, что он пишет, и если раньше его утопия основывалась на том, что «жизнь вокруг растет, поля и жесткой кроны, то теперь Верхарн призывает «смириться и любить»...

В последние стихотворениях звучит мотив «всей Фландрии», формально близкий к тому, с чего начал поэт — к «Фламандцам», но здесь уже нет и признаков бурного и мощного реализма...

То, что было полным падением Верхарна в годы войны, когда поэт захлебнулся в болоте позитивизма, было уже заранее подготовлено...

Вершиной, которой достиг Верхарн, был ряд стихотворений в сборнике «Матейные силы». В знаменитых поэмах «Трибуны» и «Банкиры» с прерывающей законченностью и глубокой выразительностью новые стремления Верхарна...

«Черный период» сделал Верхарна одной из самых колоритных фигур упаднической поэзии, господствующей в то время.

«Выставка «Свободной немецкой книги» организована за границей. Сделать это в Германии сейчас еще более невозможно...

Идеи мира, дружбы и союза народов для фашизма так же неприменимы, как и прогрессивная мысль немцев философов прошлого...

В ответ на открытую в гитлеровской Германии выставку, в Париже организована выставка «Немецкой свободной книги»...

Мы, подлинники кемпы, верим в свое дело. У нас слишком мощные и великие соратники, чтобы мы могли оказаться побежденными...

Мы, подлинники кемпы, верим в свое дело. У нас слишком мощные и великие соратники, чтобы мы могли оказаться побежденными...

Лион Фейхтвангер на Красной площади в Москве в рядах демонстрантов, приветствующих утверждение в СССР антифашистской Конституции

Лиону Фейхтвангеру

Письмо профессоров, студентов, рабочих и служащих Московского института инженеров жел.-дор. транспорта им. тов. Сталина

Уважаемый Лион Фейхтвангер!

Узнав о Вашем приезде в Советский Союз, мы, профессора, студенты, рабочие и служащие Московского института инженеров ж. д. транспорта имени тов. Сталина, от всего сердца приветствуем Вас...

Дорогой Лион Фейхтвангер, мы просим Вас посетить наш Институт, где Вы увидите светлые аудитории, читальни и библиотеки...

Вы будете беседовать с профессорами, многие расскажут Вам, за что они были награждены правительством Союза ССР высшей наградой — орденом Советского Союза.

Мы расскажем Вам, какой невиданный расцвет получили в нашей стране наука и техника, какие исключительные условия созданы для творчества наших ученых...

Начальник Института МЕДНОВ Секретарь парткома КОЖУХА РЬ Секретарь комитета ВЛКСМ ЛЕДНЕВ Заслуженный деятель науки и техники, профессор-орденоносец ОБРАЗЦОВ...

По поручению полупортативной комсомольской организации Студенты комсомольцы: А. Н. МЕЛЬНИКОВ, Н. ТИЩЕНКО, М. ФРИШМАН и др.

АНТонио МАЧАДО

Ф. Кельвин

Героический город, уже потерявший счет обитым атакам, штурмам и возмущенным налетам...

От лица интеллигенции выступает величайший поэт испанской современности, представитель старого поколения, Антонио Мачадо...

И не хотеть уезжать. Я стар и болен. Но я хоту сражаться вместе с вами, и хоту закончить свою жизнь с достоинством и умереть с достоинством...

В эти благородные слова прекрасно отражено боевое настроение, которым живет сейчас лучшая часть испанской интеллигенции.

Антонио Мачадо-и-Рунс уже более десяти лет состоит членом Испанской академии и вместе со своим братом Мануэлем является реформатором и величайшим представителем испанской поэзии XX столетия...

Параллельно с поэтической деятельностью шла работа Мачадо-драматурга, всегда осуществлявшаяся им вместе с его братом Мануэлем...

Дорогой Лион Фейхтвангер, лучшие люди всего мира подымались против фашизма, против его помощи испанским мятежникам...

Приезжайте к нам в Институт, всякий имя великого Сталина, имя человека, ведущего нас от одной победы к другой...

Мы желаем Вам долгие годы жить и работать, создавать произведения, которые возут передовое человечество к активной борьбе против фашизма...

В этом высказывании Мачадо, относящемся к 1931 году, несмотря на некоторую туманность, содержится безусловно здоровое предупреждение...

Журнал «Октябрь» в № 6 (апрель) 1934 г. поместил письмо Мачадо на имя Рафаэля Альберти о «коммунистической лирике»...

В эпоху жанрного пути Мачадо глубоко поэтично становится на его поэзия, тесно связанная с народом, с полемиями Кастилии, с их скорбью...

Дерева, на закатым небе Творит мне чудится фигуры, Игрот золотой и зеленый И слово черные гиганты Фигуры высветы...

Корона из ребячьих соски В ней опит ребенок. За упряжкой Идет мужчина, нагибая Шагет женщина. Она Бросает в борозды рукою Принятый семена посев...

На фоне куртура, в огне Закатым туч, переизлово, Игрот золотой и зеленый И слово черные гиганты Фигуры высветы...

Это не симфония мирного труда, а повседневная трагедия горькой судьбы, борьбы с нелюбимым, но все же справедливым, но все же справедливым, но все же справедливым...

Творческая группа журнала «Пионер»

На днях состоялось первое собрание творческой группы редакции журнала «Пионер»...

Уголок выставки, организованной Обществом друзей Советского Союза к конгрессу Общества, открывшемуся 29 ноября в г. Праге (Чехословакия).

Вечер киргизской поэзии

Только не ощущая себя подлинными хозяевами своей земли, творцами своей истории...

«УДАРОМ НА УДАР»

ФИЛЬМ ОБ ОСЕННИХ МАНЕВРАХ БЕЛОРУССКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

Великая сталинская Конституция не только отражает грандиозные успехи социалистического строительства...

В РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «КНИГА И ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

Редакция журнала «Книга и пролетарская революция» созвала третье для себя заседание...

В. КИРПОТИН — ДОКТОР ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

За выдающиеся заслуги в области литературоведения и изучения истории общественной мысли...

Поэты в гостях у библиотекарей

— Нам хочется, чтобы мы сегодня поговорили о том, как нам лучше добраться до большого читателя...

От наших корреспондентов

АРХАНГЕЛЬСК. Северное издательство выпускает в 1937 году десятичисленным тиражом для распространения в Северном крае роман Лиона Фейхтвангера «Семья Опенгейм»...

НАХИЧЕВАНЬ-НА-АРАКСЕ. Плавательный кружок работает в Нахичеванской автономной республике...

Из писем читателей

В только что вышедшем № 22—24 «Литературного наследства» напечатано сообщение об обнаружении в Воронеже текстов двух новых стихотворений Т. Г. Шевченко...

ГЛУХОЕ МОЛЧАНИЕ ВМЕСТО ПОМОЩИ

За два года я написал несколько сказок, рассказов и стихов. Из написанных мною произведений (как доктор они мне достались, сколько раз передавались и переписывались)

ПОЛТРА МЕСЯЦА ЖДУ ОТВЕТА

12 октября в адрес Гослитиздата мной была выслана небольшая работа о Пушкине — биографический очерк...

ЦЕННЫЙ ДОКУМЕНТ О ПУШКИНЕ

Государственный литературный музей приобрел недавно исключительный ценный документ — дневник князя П. Долгорукова...

ПОДПИСКА НА 1937 ГОД

Table with subscription rates for 1937: Без переплата 38 р., 18 р., 9 р., 3 р.; В переплату 54 р., 27 р., 13.50 р., 4 р.50.

«Литературное обозрение» упорствует

«Литературное обозрение» в № 20 в статье «Юбилей «порядка» и «Мир» вновь обуржуазилось...

Зам. ответ. редактора Н. Г. ПЛИСКО. ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-67 и 4-34-60. ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-51-68.

Advertisement for 'NOVYI MIR' magazine, featuring the magazine cover and text: «Открыта подписка на 1937 г. на ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал».

Advertisement for 'NOVYI MIR' magazine, featuring the magazine cover and text: «Подписка цена на 1937 г.», «ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1937 ГОД».

Advertisement for 'ФОТОГАЗЕТА' (Photo-Gazette), featuring the magazine cover and text: «ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1937 ГОД».

Advertisement for 'ИЗОБРЕТАТЕЛЬ' (Inventor) magazine, featuring the magazine cover and text: «ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1937 ГОД».

Advertisement for 'САМОЛЕТ' (Airplane) magazine, featuring the magazine cover and text: «ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1937 ГОД».

Advertisement for 'ПАРТИЗДАТ ЦК ВКП(б)' (Partisan Press), featuring the magazine cover and text: «Вышла из печати и поступает в продажу книга ПОЛЬ ЛАФАРГ».

Advertisement for 'ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ' (Attention Subscribers), featuring the magazine cover and text: «НА СКЛАДЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ КОГИЗ'а ИМЕЮТСЯ НОМЕРА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЖУРНАЛОВ за 1935 г.».